

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ИЛЬИНА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье предпринимается попытка осветить еще не изученный социально-психологический аспект научных изысканий известного ученого-эмигранта И. А. Ильина (1883–1954). Актуальность этой тематики в том, что сами проблемы, которые ставил в своих работах И. А. Ильин, сохраняют теоретическую значимость и могут привлекаться для дальнейшего анализа истории духовного развития человечества. Рассмотрение его теоретических идей и использованных им в работе категорий и является основной целью данной статьи.

Материалы и методы. На основе рассмотрения его теоретических работ осуществляется историографический анализ той части его творческого наследия, которая связана с изучением социально-психологического аспекта истории. Используется принцип историзма, хронологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Обращается внимание на то, что И. А. Ильин формулирует понятие «духовный уклад» общества, выявляет доминанту духовного уклада по линии восприятия окружающего мира на основе рассудка или на основе некоей метафизической установки, предлагает идею «прафеномена» религии, которая связана с особенностями структуры религиозного переживания конкретного индивида определенной конфессии.

Выводы. Осмысление проблемы «духовного уклада» социума И. А. Ильина позволяет по-новому взглянуть как на проблемы общей методологии, так и на конкретно-исторические аспекты духовной истории России, выявить ее специфику в интерпретации ученого.

Ключевые слова: И. А. Ильин, духовный уклад социума, духовная доминанта социума, особенности структуры религиозного переживания, особенности духовной истории России.

V. I. Shuvalov

I. A. ILYIN'S SCIENTIFIC HERITAGE AND PROBLEMS OF HISTORICAL PSYCHOLOGY

Abstract.

Background. The article attempts to highlight the yet unexplored social and psychological aspect of scientific research of a famous scientist-emigrant Ivan Ilyin (1883–1954). The relevance of this theme lies in the fact that the problems themselves remain theoretically significant and may be applied for further analysis of the history of spiritual development of humanity. Consideration of his theoretical ideas and categories is the main purpose of the present paper.

Materials and methods. Based on a review of I. A. Ilyin's theoretical work the article provides a historiographical analysis of that part of his artistic heritage, which is connected with the study of the social and psychological aspects of history. The principle of historicism, chronological and comparative-historical methods were used in the study.

Results. The author draws attention to the fact that I. A. Ilyin formulated the concept of “spiritual way” of society, reveals the dominant “spiritual way” through the perception of the world on the basis of reason or based on certain metaphysical settings, offers the idea of “archetypal phenomenon” of religion which is connected with peculiarities of a religious experience structure of a particular individual of specific denomination.

Conclusions. Comprehension of I. A. Ilyin’s “spiritual way” of society gives a fresh look at problems of common methodology as well as at the specific historical aspects of the spiritual history of Russia.

Key words: I. A. Ilyin, “spiritual way” of society, spiritual dominant of society, features of the structure of religious experience, spiritual peculiarities of Russian history.

В статье предпринимается попытка осветить неизученный аспект многогранного творчества известного ученого-эмигранта Ивана Александровича Ильина (1883–1954), связанный с его трактовкой духовных особенностей человеческой истории.

Актуальность этой тематики в том, что социально-психологический аспект научных изысканий этого ученого не исследован, сами проблемы, которые ставил в своих работах И. А. Ильин, сохраняют теоретическую значимость и могут привлекаться для дальнейшего анализа истории духовного развития человечества. Кроме того, привлекает цельность личности И. А. Ильина, который большевистский режим так и не принял, не пошел с реальностью на компромисс даже в рамках научной теории, как, например, евразийцы, и не стал примирять советский режим и объективные тенденции исторического развития России. Провидчески он писал о том, что советская власть антирусская по своей направленности, что Советская Россия разрушает социум великороссов, а исторический выбор 1917 г. тупиковый по своему характеру.

Подчеркнем, что И. А. Ильин занимался целым комплексом разнообразных научных и политических проблем: религиозная философия, государственно-правовые изыскания, проблема морально-нравственного аспекта истории. Эта специфика отражена в исследованиях С. М. Бабинцева [1, с. 108, 113, 131, 148, 150], И. Б. Булгака [2], А. А. Валькова [3, с. 37, 40, 69], О. Д. Волкогоновой [4, с. 210–239], Н. К. Гаврюшина [5], А. И. Доронченкова [6, с. 210], В. А. Ковалева [7], Н. О. Лосского [8, с. 493–495], И. Г. Ребещенковой [9, с. 36, 38], Д. Б. Цыганкова [10, с. 129–133]. На стыке всех этих изысканий и возникло осмысление темы духовной доминанты социума, что до сих пор является одной из наиболее дискуссионных проблем в рамках исторической психологии. Нами уже обращалось внимание на то, что подобная тематика в период развития отечественной исторической науки в эмиграции в конце XIX – первой половине XX в. была особенно актуальной [11, с. 126–157].

Обратим внимание на принципиальные установки И. А. Ильина в контексте интересующей нас проблематики исторической психологии.

Во-первых, И. А. Ильин формулирует понятие «духовный уклад» общества, в центре которого именно социально-психологическое своеобразие того или иного социума.

В своих многочисленных работах И. А. Ильин учитывал социально-психологический аспект исторического бытия: это духовное бытие, или ду-

ховная жизнь; народное сознание, или национальный характер той или иной социальной общности. Для описания этой специфики им используются термины «национальный духовный уклад», «уклад народного характера», «душа народа», «национальный дух». Нетрудно заметить, что все эти термины – понятия комплексные.

По мнению Ильина, люди образуют единую общность именно в силу подобия их духовного уклада. «Этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности – внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности), и внешней (природа, климат, соседи)» [12, с. 189]. На этой основе формируется и дух народа, придавая ему специфическое своеобразие. В исследовании «Сущность и своеобразие русской культуры» (1941–1944), целом ряде других работ и статей И. А. Ильин попытался выявить определенный структурирующий принцип рассматриваемого им комплексного понятия.

И. А. Ильин считал, что любой социум со своим уникальным духовным укладом может проявить себя двояко: в области культуры и в области цивилизации. Культура духовна и первична, тогда как цивилизация материальна и вторична. «Всякая религия есть культура, даже самая наивная, самая примитивная» [13, с. 590]. Цивилизация же индифферентна к духовным ценностям. Ученый замечает здесь, что народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (быт, промышленная техника, средства связи и сообщения и т.д.) являть картину отсталости и наоборот.

Здесь важно отметить, что как раз в России условия для развития цивилизации до середины XIX в., по мнению ученого, были неблагоприятными. Однако И. А. Ильин обращает внимание на то, что «отсталая в плане цивилизации Россия всегда оставалась самобытной в своей культуре и творчески развитой страной» [13, с. 593]. Никогда, подчеркивал ученый, не была Россия бескультурной, к культуре безучастной, от культуры независимой или самодовольной в каком-либо варварстве. Но, немного запоздав с общим уровнем развития цивилизации, Россия сразу же и затем неоднократно встречается с недоброжелательной реакцией Запада, ее интеллектуалов по этому поводу.

Тем самым умаляется ее духовная специфика, те исторические особенности, которые сделали историю России столь значимой на общемировом фоне. В таком контексте именно понятие «духовный уклад» востребовано и теоретически актуально. Оно позволяет сопоставлять общества по равноценным параметрам, не смешивать разные акценты исторического развития.

Во-вторых, И. А. Ильин выявляет доминанту понятия «духовный уклад» по линии восприятия окружающего мира на основе рассудка или на основе некоей метафизической установки.

Структурирование социально-психологической организации социума происходит у разных народов по-разному. Свообразие каждого народа, по мнению ученого, определяется как раз тем, какие душевно-духовные силы проявляются в нем как изначальные, задающие меру, сильно выраженные, определяющие и какие следуют за ними.

Типологизацию Ильина можно свести к противопоставлению таких общностей, где восприятие мира было основано на рассудке, тем социумам, где это восприятие определялось некоей метафизической установкой. «Так,

у древних римлян ведущей и определяющей была здравая воля (особенно воля к власти), равно как и расчетливый, аналитический, руководствующийся целесообразностью рассудок» [14, с. 411]. Средиземноморье как древнейший очаг цивилизации обладало для этого целым комплексом условий: природная среда, длительный процесс «окультуривания» территории, складывание характерных институтов в рамках гражданской общины – все это делало историческую равнодействующую более опосредованной. Это внушало человеку мысль о волевой установке как смысле жизни. Не сильно заботясь о душе, в таких условиях можно было действовать и существовать.

Совсем другая ситуация сложилась в восточно-европейском регионе. Здесь благоприятное историческое наследие как определяющая предпосылка складывания культурно-исторической среды социума отсутствовало. Русский этнос вообще находился в ситуации борьбы за существование. Именно поэтому на первое место в духовном самоопределении России вышли «внутренне-духовные» силы, а не разум, рассудок. Духовный уклад Руси предполагал внутреннюю концентрацию, достижение внутренней свободы как конечной цели, вне зависимости от окружающих условий.

Возникновение такой установки Ильин объясняет целым рядом моментов. С одной стороны, это неблагоприятные природно-климатические условия, феномен «зон рискованного земледелия». Работая на износ, землепашец-великоросс должен был постоянно учитывать возможность реального в будущем голода. Это вырабатывало в народе невиданное упорство, умение трудиться и вместе с тем спокойный «фатальный» взгляд на будущее. На протяжении столетий русский жил «в колеблющемся ритме: горение или покой, сосредоточенность или расслабленность, стремительность или сонливость» [14, с. 383].

С другой стороны, это условия собственно исторические, социально-политические. Русская история характеризуется предельным драматическим напряжением: как внешним – военно-политическим, так и внутренним – социальным и религиозным. «История России – история длительной национально-необходимой обороны», – констатировал исследователь [14, с. 479]. В отличие от Европы, Россия постоянно находилась в ситуации «континентальной блокады»: в течение последних 500 лет, считал И. А. Ильин, на три года приходилось два года войны и только один год мира. Поэтому и с этой стороны для выживания русского социума был возможен, по Ильину, только «интравертный» вариант. Чтобы сохранить духовность, т.е. психологическую целостность, русскому были необходимы терпение, упорство, внутреннее сосредоточение.

В итоге сформировался духовный уклад, в котором доминировали специфические «первичные» душевно-духовные силы. «Первичные силы – это силы жизнеопределяющие, творчески-духовно ведущие. Вторичные силы, примыкая к первичным, определяются и управляются последними, перенимают их законы и творческую окраску» [14, с. 410–411].

Православие, подчеркивает И. А. Ильин, было оптимальным вариантом именно для России. Установка на принятие мира в рамках православия выражалась в стремлении к обязательному достижению и внутренней свободы. Духовный уклад России характеризуется И. А. Ильиным как раз «стойкостью терпения», часто вынужденной, но внутренне непоколебимой. Эта ставка на

«духовное делание» особенно акцентируется у Ильина: «Нет духовности без свободы», – замечает он [15, с. 9].

Сравнивая духовные уклады христианского Востока и Запада, ученый замечает: «Ни римское право с его основательной, но жестко отшлифованной культурой частной собственности..., ни римская церковь с ее дисциплиной воли и культурой власти никогда не выступали мерилom в истории России» [14, с. 475].

Ученый делает вывод о принципиальном различии на Востоке и Западе христианского мира исходно заданных религиозных установок на способы достижения гармонии, духовной свободы. Православный Восток считал эту свободу достижимой за счет внутренней духовной работы. Христианский Запад не воспринимал проблему так буквально. Здесь свобода оказалась сильно опосредована волевой деятельностью в обществе. Причем до такой степени, что порой это становится самоцелью.

Очень важен, на наш взгляд, вывод Ильина о специфике исторической динамики роста российского социума. Он отмечает, что с началом усиления государственного могущества и территориальным увеличением России в среде русского народа с его ярко выраженной любовью к свободе четко оформились два пути ее реализации. «Или терпеть, служить и жертвовать, или незаметно скрываться, уклоняться от службы и бунтовать» [16, с. 560]. В реальности русские люди шли и по тому, и по другому пути. Так, более добросовестные, но слабые натуры терпели, служили, жертвовали собой. Биологически более сильные, но «скверные» скрывались, бунтовали, уклонялись от службы.

Вывод важный и принципиальный для осмысления самого характера развития социума великороссов. Периодически в рамках англо-саксонской системы политических координат формулируются идеи о России как «обществе рабов», ее тоталитарных традициях и неспособности к восприятию западных «демократических» стандартов. В системе координат эмигранта И. А. Ильина, которого советская политическая надстройка насильственно выбросила из родной страны, великороссы обладают внутренне присущим, субстанциональным чувством свободы. Только этим можно объяснить «русский разлив» до Аляски, феномен казачества, уникальную русскую культуру.

В-третьих, И. А. Ильин предлагает идею «прафеномена» религии, которая связана с особенностями структуры религиозного переживания конкретного индивида определенной конфессии.

Именно религия занимает в любом социуме тот пласт, который более всего связан с неосознанными, подсознательными духовными установками и менее всего подвержен сиюминутным историческим изменениям. Поэтому на протяжении тысячелетий «люди воспринимали религию как центр духовной жизни, как ее главный, а может быть, и единственный источник» [17, с. 286]. Церковь как социальный институт выступала здесь в роли хранителя этой духовной традиции.

По мнению ученого, своеобразие любого народа можно понять, если заглянуть в сферу его религии и веры, причем прочувствовать «прафеномен» этой религии и творчески осмыслить его. «Под религиозным “прафеноменом” я понимаю, – писал И. А. Ильин, – концентрированное выражение веры, которое, как живой узел, вбирает в себя и испускает из себя все нити веры и религиозной жизни. Иногда этот прафеномен обнаруживает себя в слове,

иногда – в душевном состоянии, иногда внешне – в ритуальном обычае» [14, с. 468].

По мнению Ильина, конфессии отличаются друг от друга не только догматами, обрядами и социальной организацией служителей, но и «душевым своеобразием верующих, то есть определяющим и решающим здесь является не то, во что ты веришь и как ты это что выражаешь, а то, как ты веришь, как ты это внутренне переживаешь и, следовательно, что ты вообще имеешь в виду под словом вера» [18, с. 8]. Таким образом, ученый считал, что религия есть прежде всего «состояние души», она конкретна во времени и разнообразна у разных народов. Структура религиозного акта в различных религиозных системах и даже у народов, исповедующих одну и ту же религию, различна. Так, разнятся между собой «религиозные переживания» у греков, римлян, иудеев, мусульман. Ученый упоминает также первобытные религии, буддизм, конфуцианство, египетский культ, индуизм, джайнизм, русское хлыстовство.

Феноменология внутренней жизни, по Ильину, еще только разрабатывается, но в центре внимания здесь должна стоять именно проблема «религиозного переживания». В рамках вопроса о своеобразии «духовных укладов» тех или иных общностей он и пытается ее решить.

Ученый исходил из того, что «православное благочестие представляет собою целостное, последовательно прочувствованное и продуманное мировоззрение, согласно которому... существует целостный духовный мир» [14, с. 464]. Сила и глубина православия и его богословия состоит не в создании догматической системы или предвидении всевозможных нравственных коллизий. Созидательная сила здесь – в молитвенном упражнении, обозначаемом порой также как «духовная практика» либо «духовное делание». Православное богословие «ориентировано на христианскую цельность жизни и придает большую ценность становлению, нежели мышлению» [14, с. 427]. На первый план выходит система духовных упражнений, а не формальные предписания. О важности этого компонента в рамках становления любой конфессии мы уже говорили в контексте своего анализа социально-психологического аспекта исторических взглядов Э. Гиббона [19, с. 19, 20, 22].

Итак, причинное объяснение человеческих поступков, согласно которому индивид является закономерным следствием предшествующего мирового развития, что снимает с него бремя вины, чуждо православию как религиозному явлению. Эту цепь генетической необходимости православие рассматривает как тяжелейшую ношу в земном (бытовом) плане и как определенное задание в духовном. По мнению И. А. Ильина, западноевропейское учение о «небытии» отдельной человеческой особи перед лицом Бога православная духовность не принимает. Восточный христианин верит, что он призван к «самобытию», к «самодействию» – к внутренней, духовной свободе. «Западный человек – детерминист, который борется за политическую свободу. Восточный человек – индетерминист, который достигает политической свободы путем религиозного очищения. Два различных менталитета, две различные судьбы» [14, с. 429]. Дух восточного православия проникнут «максимализмом» и «героизмом», и в этом также его принципиальное отличие от западного католицизма, который систематически и планомерно низводит христианскую этику к сумме формальных норм.

Можно говорить о том, что в структуру религиозного акта в рамках православия была включена техника духовных упражнений, которая предполагала личные усилия, прагматику. Католичество, наоборот, пошло по пути шаблона, внешнего воспроизводства каких-то визуально контролируемых действий. Отсюда два прямо противоположных варианта религиозного переживания. Для православного великоросса необходимо достижение конкретного результата в процессе погружения себя в т.н. трансперсональное состояние [20] («ощущение потустороннего»), для католика важна сама демонстрация своих намерений (выражение лица, одежда, количество поклонов, приобретение индульгенции). Духовная структура социумов замыкается на разные категории индивидов. В этом и свои плюсы, и минусы.

По нашему мнению, отмеченная И. А. Ильиным тенденция до сих пор значима в научном плане и позволяет выходить на уровень общей типизации при анализе тенденций духовного развития конкретных социумов. Как известно, католическая церковь не только вызвала к жизни институт папства, но и с его помощью в существенной части отстояла свою независимость от светской власти. Православие этого сделать не смогло. Еще А. Тойнби обращал внимание на гигантские исторические последствия этого момента для судеб западного и восточного христианства [21]. Историческую гонку за влияние на умы верующих в исторической перспективе, видимо, выиграл все-таки католицизм.

И. А. Ильин совершенно обоснованно обращал внимание на то, что чем сильнее неформальные составляющие в рамках какой-то конфессии, тем сложнее их контролировать, привести к общему «знаменателю». Но тем самым снижается социальная сопротивляемость внешнему воздействию всей религиозной системы: такова судьба православия и в Византии, и на Московской Руси.

Подводя итоги вышесказанному, следует признать, что исследования И. А. Ильина доказывают возможность рассмотрения духовного уклада как стержневого для социальной общности феномена. Анализ его составляющих делает реальным выявление признаков интересующего нас социально-психологического явления.

С этой точки зрения научные достижения И. А. Ильина могут и должны учитываться при дальнейшей разработке дискуссионных проблем исторической психологии.

Список литературы

1. **Бабинцев, С. М.** Мирозерцание И. А. Ильина / С. М. Бабинцев. – М. : Прометей ; Глазов : ГГПИ, 1997. – 171 с.
2. **Булгак, И. Б.** Социальная философия И. А. Ильина : дис. ... канд. филос. наук / Булгак И. Б. – М., 1995. – 145 с.
3. **Вальков, А. А.** Идея нации в свете русской социально-философской мысли / А. А. Вальков. – Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1996. – 99 с.
4. **Волкогонова, О. Д.** Образ России в философии Русского Зарубежья / О. Д. Волкогонова. – М. : РОССПЭН, 1998. – 326 с.
5. **Гаврюшин, Н. К.** Антитезы «православного меча» / Н. К. Гаврюшин // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 79–83.
6. **Доронченков, А. И.** Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Доронченков. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 217 с.

7. **Ковалев, В. А.** Духовные и национальные основы государства в политико-правовой теории И. А. Ильина : дис. ... канд. социол. наук / Ковалев В. А. – СПб., 1993. – 144 с.
8. **Лосский, Н. О.** История русской философии / Н. О. Лосский. – М. : Высшая школа, 1991. – 560 с.
9. **Ребещенкова, И. Г.** И. А. Ильин о национальных особенностях русского способа постижения мира / И. Г. Ребещенкова // Социальная философия Ивана Ильина. – СПб., 1993. – Ч. 2. – С. 35–40.
10. **Цыганков, Д. Б.** Политическое завещание Ивана Ильина / Д. Б. Цыганков // Российская социология : межвуз. сб. – СПб., 1993. – С. 129–133.
11. **Шувалов, В. И.** Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX – первой половины XX в. / В. И. Шувалов. – М. : МПУ, 2001. – 228 с.
12. **Ильин, И. А.** Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 1. – С. 37–282.
13. **Ильин, И. А.** Творческая идея России / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 6, кн. II. – С. 590–620.
14. **Ильин, И. А.** Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 6, кн. II. – С. 371–513.
15. **Ильин, И. А.** О России. Три речи. 1926–1933 / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 6, кн. II. – С. 7–34.
16. **Ильин, И. А.** История становления государства / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 6, кн. II. – С. 553–589.
17. **Ильин, И. А.** Основы христианской культуры / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1996. – Т. 1. – С. 283–330.
18. **Ильин, И. А.** Покой и радость в православном мировоззрении / И. А. Ильин // Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М., 1997. – Т. 6, кн. III. – С. 7–30.
19. **Шувалов, В. И.** Социально-психологический аспект исторических взглядов Эдуарда Гиббона и проблема политеизма / В. И. Шувалов // Социосфера : научно-методический и теоретический журнал. – 2015. – № 3 – С. 15–24.
20. **Торчинов, Е. А.** Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. – СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение, 2005. – 541 с.
21. **Шувалов, В. И.** Исторические судьбы западного и восточного христианства в контексте теории цивилизаций А. Тойнби / В. И. Шувалов // Актуальные проблемы исторической науки : межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых. – Пенза, 2006. – Вып. 3. – С. 316–323.

References

1. Babintsev S. M. *Mirosozertsanie I. A. Il'ina* [I. A. Ilyin's world view]. Moscow: Prometei; Glazov: GGPI, 1997, 171 p.
2. Bulgak I. B. *Sotsial'naya filosofiya I. A. Il'ina: dis. kand. filos. nauk* [I. A. Ilyin's social philosophy: dissertation to apply for the degree of the candidate of philosophy]. Moscow, 1995, 145 p.
3. Val'kov A. A. *Ideya natsii v svete russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli* [The idea of a nation in the context of the Russian sociophilosophical thought]. Ufa: Izd-vo Bashkir. un-ta, 1996, 99 p.
4. Volkogonova O. D. *Obraz Rossii v filosofii Russkogo Zarubezh'ya* [The image of Russia in the philosophy of Russian expatriate authors]. Moscow: ROSSPEN, 1998, 326 p.
5. Gavryushin N. K. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 1992, no. 4, pp. 79–83.
6. Doronchenkov A. I. *Emigratsiya «pervoy volny» o natsional'nykh problemakh i sud'be Rossii* [The “first wave” of emigration on the national problems and destiny of Russia]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2001, 217 p.

7. Kovalev V. A. *Dukhovnye i natsional'nye osnovy gosudarstva v politiko-pravovoy teorii I. A. Il'ina: dis. kand. sotsiol. nauk* [Spiritual and national foundations of a state in I. A. Ilyin's polity and law theory: dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Saint-Petersburg, 1993, 144 p.
8. Losskiy N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [The history of Russian philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola, 1991, 560 p.
9. Rebeshchenkova I. G. *Sotsial'naya filosofiya Ivana Il'ina* [Ivan Ilyin's social philosophy]. Saint-Petersburg, 1993, part 2, pp. 35–40.
10. Tsygankov D. B. *Rossiyskaya sotsiologiya: mezhvuz. sb.* [Russian sociology: interuniversity proceedings]. Saint-Petersburg, 1993, pp. 129–133.
11. Shuvalov V. I. *Sotsial'no-psikhologicheskiy aspekt izucheniya istorii v rossiyskoy istoriografii posledney treti XIX – pervoy poloviny XX v.* [The sociopsychological aspect of studying history in the Russian historiography of the last third of XIX – first half of XX centuries]. Moscow: MPU, 2001, 228 p.
12. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1996, vol. 1, pp. 37–282.
13. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1996, vol. 6, bk. II, pp. 590–620.
14. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1996, vol. 6, bk. II, pp. 371–513.
15. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1996, vol. 6, bk. II, pp. 7–34.
16. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1996, vol. 6, bk. II, pp. 553–589.
17. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1996, vol. 1, pp. 283–330.
18. Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, 1997, vol. 6, bk. III, pp. 7–30.
19. Shuvalov V. I. *Sotsiosfera: nauchno-metodicheskiy i teoreticheskiy zhurnal* [Sociosphere: the scientific, methodological and theoretical journal]. 2015, no. 3, pp. 15–24.
20. Torchinov E. A. *Religii mira: Opyt zapredel'nogo. Psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [World religions: the experience of the beyond. Psychotechnics and transpersonal states]. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005, 541 p.
21. Shuvalov V. I. *Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki: mezhvuz. sb. nauch. tr. molodykh uchenykh* [Topical problems of historical science: interuniversity collected papers of young scientists]. Penza, 2006, iss. 3, pp. 316–323.

Шувалов Владимир Иванович

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории,
историографии и археологии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: shuvalov58@gmail.com

Shuvalov Vladimir Ivanovich

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor at the sub-department
of general history, historiography
and archeology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 930.2

Шувалов, В. И.

Научное наследие И. А. Ильина и проблемы исторической психологии / В. И. Шувалов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 54–62. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-5